

ѣхать въ Россію. Последнее оказалось вовсе не такъ легкимъ, какъ, можетъ быть, ему сначала думалось. Тогда во всей силѣ существовалъ законъ, запрещавшій допускать иностранныхъ евреевъ въ Россію, еслибы даже они приняли православіе. Левисонъ старался устроить это препятствіе, прибѣгалъ къ покровительству разныхъ русскихъ знаменитостей, пріѣзжавшихъ въ Германію, но долго не имѣлъ успѣха. Тогдашній шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ, даже не очень вѣжливо обошелся съ нимъ. Когда Левисонъ сталъ выставлять ему пользу, которую онъ можетъ принести Россіи и доказывалъ, что для столь полезнаго будущаго дѣятеля можно сдѣлать небольшое отступленіе отъ русскихъ законовъ, то получилъ отвѣтъ въ родѣ того, что великая нужда мѣнять законы «для всякаго жида», крещенаго или не-крещенаго. Но все же Левисонъ добился того, что ему, еще не окрещенному, дозволено было пріѣхать въ Петербургъ. Здѣсь приготовленіе его къ св. крещенію поручено было тогдашнему оберъ-священнику Кутневичу, который не замедлил окрестить *великаго раввина* и присоединить его къ православію. Восприемниками были: недавно скончавшійся извѣстный писатель, знаменитый, какъ тогда говорили, авторъ путешествія ко святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьевъ и жена тогдашняго губернскаго предводителя петербургскаго дворянства, прославившая себя своимъ благочестіемъ, Т. Б. Потемкина.

Надобно было пристроить теперь новаго православнаго христіанина въ Петербургѣ поудобнѣе, повыгоднѣе для него; этому, разумѣется, помогли всѣ упомянутыя три личности, принимавшія главное участіе въ крещеніи его. Сдѣлать это имъ стоило небольшого труда. Кутневичъ былъ членомъ св. синода. Муравьевъ стоялъ тогда на верху своей духовно-литературной знаменитости, находился въ самыхъ тѣсныхъ, если не дружескихъ, то христіански-сыновнихъ отношеніяхъ къ московскому митрополиту Филарету Дроздову. Потемкина пользовалась большимъ вліяніемъ въ свѣтскомъ обществѣ, особенно въ средѣ петербургскаго дворянства, и вообще между людьми, которые или были дѣйствительно, или находили выгоднымъ показывать себя набожными; при помощи же тогдашняго, принятаго за аксіому, убѣжденія въ ея набожности имѣла громадное вліяніе и въ духовномъ мірѣ. Противъ рекомендаціи и заступничества этихъ трехъ человѣкъ не могъ устоять и Филаретъ Дроздовъ, голосъ котораго тогда еще былъ въ св. синодѣ силенъ и авторитетенъ. У гр. Пратасова, разумѣется, не было особыхъ поводовъ, а можетъ быть, и желанія не уважить ходатайства крестной матери Левисона. Кромѣ того,